

Обзоръ Записокъ графа Матвѣева и вновь открытыхъ вариантовъ ихъ о стрѣлецкомъ полковникѣ Сухаревѣ.

Главнѣйшимъ источникомъ, изъ котораго почерпаются свѣдѣнія о стрѣлецкихъ мятежахъ 1682—1698 г., признаются Записки графа Андрея Артамоновича Матвѣева. Два списка Записокъ, безъ предисловія ихъ автора, изданы Туманскимъ въ I и VI т. Собр. соч. о жизни и дѣяніяхъ Петра Великаго, одинъ же списокъ, съ предисловіемъ автора, изданъ Сахаровымъ въ Запискахъ русскихъ людей временъ Петра Великаго, по сличеніи съ нѣсколькими списками. Матвѣева считаютъ составителемъ Записокъ о стрѣлецкихъ мятежахъ, основываясь на свидѣтельствѣ Татищева:

„Сильвестръ Медвѣдевъ... и графъ Матвѣевъ описали стрѣлецкій бунтъ... графа Матвѣева отецъ въ ономъ стрѣльцами убитъ“... При Петрѣ Великомъ произошло три стрѣлецкихъ бунта, да и самъ царь, въ 1700 г., писалъ Іерусалимскому патриарху Досиѣю: „Стрѣльцы уже въ третій разъ (въ теченіе 19 лѣтъ) бунтовали... истинно только пакосники, а не воины были, которыхъ мы... иныхъ казнию, иныхъ наказаніемъ смирили, протчихъ же съ 20000 принуждены были отставить, опасаясь впредь смятенія“... ¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ труда Матвѣева стрѣлецкіе мятежи объединяются въ „троекратный бунтъ“. По выраженію заключительной части книги барона Шафирова (†. 1739 г.), редактированной самимъ Петромъ,—Разсужденіе о причинахъ войны съ Швеціей, изд. 1717 г. „за бунтъ троекратный стрѣльцы переведены, и начали регулярное войско заводить“ (стр. 266).

¹⁾ Письма и бумаги Петра Вел., т. I № 323. По официальнымъ документамъ насчитывалось въ Москвѣ 19 стрѣлецкихъ полковъ (А. Арх. Эксп. т. IV, 409). Къ расколу примкнуло 9 полковъ изъ 19 (Савва Романовъ). Въ 1684 г. оставлено въ Москвѣ 7 стрѣлецкихъ полковъ, счетомъ 6056 человекъ. Въ Сухаревомъ полку признаны будто-бы негодными 96 человекъ. (Туманскій, т. VI, 229).

Судя по языку Записокъ и оговоркамъ при разсказѣ о первомъ бунтѣ, а также перечню въ нихъ сношеній Петра съ иностранными державами, описаніе всѣхъ трехъ бунтовъ сдѣлано однимъ и тѣмъ же лицомъ. Такъ, несомнѣнна тѣсная связь выраженій въ началѣ Записокъ — „между сихъ печальныхъ дѣйствій“ и въ концѣ — „послѣ сихъ печальныхъ дѣйствій“, подъ которыми разумѣются три бунта. Сооруженіе, съ согласія царевны Софьи Алексѣевны, на Красной площади Москвы каменнаго столпа съ изображеніемъ на прикрѣпленныхъ къ нему жестяныхъ листахъ именъ убитыхъ стрѣльцами знатныхъ особъ и описаніемъ ихъ винъ ¹⁾ было поручено стрѣлецкимъ подполковникамъ Озерову и Цыклеру, „и по нѣкоторыхъ лѣтѣхъ на томъ же... столпѣ тому Цыклеру воздаяніе не укусило, о чемъ ниже показуется“... Обѣщаніе свое авторъ Записокъ соблюдъ, проведя слѣдующую параллель: „Гдѣ прежде неповинныхъ бояръ тѣла на Красной площади лежали, тамо головы Соковнина и того прежняго столпотворителя, и стараго Цыклера, и Пушкина, и сообщниковъ ихъ воровъ же стрѣльцовъ, на желѣзныхъ рожнахъ разставлены были“... (Туманскій, т. VI). Немногіе, даже очень давніе списки труда Матвѣева, въ рядѣ списковъ—одного Акад. Наукъ, 1737 г., одного въ Собр. Туманскаго и одного въ Импер. Публичн. Библиотекѣ (безъ означенія года), содержатъ въ себѣ описаніе только перваго бунта, какъ и книжка Сумарокова, изд. 1768 г.—Едва-ли кому-нибудь, кромѣ маститаго дипломата Матвѣева, пришло бы на умъ прозвать Ивана Михайловича Милославскаго московскимъ Кромвелемъ. Уподобленіе Матвѣевымъ, въ завершеніе сопоставленій отечественныхъ типичныхъ личностей съ чужеземными, русскаго мужа, падкаго „на всякія пакости, прехитраго и злоковарнаго, невѣжественнаго въ христіанскомъ законѣ“, Ивана Милославскаго знаменитому Оливеру Кромвелю свидѣтельствуесть о близкомъ знакомствѣ автора Записокъ не только съ древней исторіей, откуда выхвачены имъ подходящіе эпизоды, но и съ новѣйшей исторіей, особенно же съ исторіей Англіи, гдѣ онъ состоялъ посланникомъ ²⁾. Личность Оливера Кромвеля привлекла къ себѣ вниманіе Матвѣева какъ признаками аналогіи съ личностью Ми-

¹⁾ Содержаніе надписи приведено въ Зап. Медвѣева и у Туманскаго, въ VI т., стр. 119—133.

²⁾ Обада, нанесенная ему англичанами (задержаніе за долги), послужила поводомъ присылки королевой А гліи посольства къ Петру съ извиненіями (см. Дневникъ Юста-Юлія, изд. Щербачевымъ).

лославскаго, такъ и въ виду краткаго промежутка времени (около 25 лѣтъ), отдѣлявшаго экзекуцію надъ трупомъ послѣдняго отъ акта возмездія, учиненнаго, по постановленію англійской Палаты общинъ, надъ трупомъ „лицемѣрнаго узурпатора, приносившаго все въ жертву своему честолюбію, прикрывавшаго религіозной маской свои коварные и себялюбивые замыслы, подготовившаго почву для смертной казни Карла“. 1). „Въ годовщину смерти короля, 30 января 1661 г.,“ говоритъ біографъ Кромвеля Джонъ Марлей, совершилась возмутительная церемонія. Послѣ поста и молитвы, исторгнутыя изъ церкви тѣла Кромвеля и его сообщниковъ Аиртона и Бредшо... были привезены на саняхъ, вынуты изъ гробовъ и повѣшены, затѣмъ полуразложившіяся тѣла сняли и, отрубивъ головы, зарыли подъ висѣлицами. Три головы были воткнуты на высокіе шести въ Вестминстеръ-Холлъ, гдѣ несчастному королю довелось выслушать смертный приговоръ за оскорбленіе имъ парламента и возбужденіе междоусобной войны.

Возникаетъ вопросъ: когда Записки составлены Матвѣевымъ? Крекшинъ въ предисловіи къ своимъ Запискамъ сѣтуетъ, что „въ лѣта Петра не бысть прилежнаго писателя дѣяній его... Да и въ Россіи блаженныхъ дѣлъ его сотой части въ рукахъ Записокъ нѣтъ“ (стр. 5). Сахаровъ не отважился опредѣлить времени составленія Матвѣевымъ Записокъ. Устряловъ 2) и Аристовъ 3) думали, что трудъ его появился едва-ли не по смерти Петра Великаго. Соловьевъ 4) внѣшнимъ поводомъ къ составленію Матвѣевымъ Записокъ призналъ доношеніе барона Шафирова вдовѣ Петра Екатеринѣ I-й о потребныхъ матеріалахъ для исполненія даннаго Шафирову сенатомъ 5 мая 1725 г., по волѣ императрицы, порученія написать исторію Петра до 1700 г., съ котораго уже имѣлась „Гисторія“, собранная въ Кабинетѣ.

Погодинъ, обозрѣвая первыя 17 лѣтъ жизни Петра, весьма кстати остановился на томъ, что въ Запискахъ Матвѣева: 1, о нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицахъ повѣствуется какъ объ умершихъ, напр. о царевнѣ Настасьѣ Алексѣевнѣ († 1716 г.), Василии Голицынѣ († 1713 г.), царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ († 1704 г.), и 2, что при указаніи урочища перемѣна названій вызвала поясненія: „дворъ Лыковъ“, нынѣ цейхаузъ, „Пога-

1) Кларендонъ: Ист. англ. революціи.

2) Ист. царств. Петра Вел. Введеніе.

3) Московск. смуты въ правл. царевны Сѣфыи.

4) Ист. Россіи, т. XVIII, гл. 4.

ный прудъ“, нынѣ Чистый и т. д. Догадка Соловьева мнѣ представляется мало основательной. О смерти Петра въ Запискахъ Матвѣва нѣтъ ни слова. Выраженіе въ моемъ экземплярѣ Исторіи стрѣлецкихъ бунтовъ (по Матвѣву), заключающемъ въ себѣ отсутствующую въ извѣстныхъ спискахъ замѣтку переписчика о Сухаревой башнѣ, „гдѣ нынѣ школы“ (математическихъ и навигаціонныхъ наукъ), не позволяетъ мнѣ отодвинуть составленіе Матвѣевымъ Записокъ далѣе второго десятилѣтія XVIII вѣка (см. ниже), когда еще не были разрушены каменные столпы, поставленные надъ ямами, гдѣ складывались трупы казненныхъ стрѣльцовъ¹⁾. Въ упомянутомъ доношеніи Шафировъ интересовался, между прочимъ, причинами казни Ивана и сына его Андрея Хованскихъ²⁾ Матвѣвъ съ большимъ знаніемъ тонкости крамолы повѣдалъ „съ какого случая казнены Хованскіе“ 17 сентября 1682 г. Если бы повѣствованіе Матвѣва возбудило сомнѣніе относительно роли, какую игралъ среди стрѣльцовъ старикъ Иванъ Хованскій, котораго, по словамъ Матвѣва, Милославскій сдѣлалъ участникомъ, вмѣстѣ съ вѣдавшимъ суднымъ приказомъ сыномъ Андреемъ, въ гнусномъ своемъ дѣлѣ, то оно должно разсѣяться хотя бы Записками Медвѣдева, отчетами Невиля Людовику XIV и датскаго резидента Розенбуша своему правительству. Сахаровъ въ 10-мъ примѣч. къ Запискамъ Медвѣдева, казненнаго за участіе въ бунтѣ 1682 г., Погодинъ³⁾ и Брикнеръ⁴⁾ удачно подмѣтили неотразимую улику противъ старика Хованскаго и царевны Софьи. Въ присутствіи Розенбуша Иванъ Хованскій спросилъ нагрянувшихъ къ Кремлю бунтовщиковъ: „угодно ли имъ удалить отъ двора царицу Наталью Кирилловну“? Предложеніе вызвало утвердительныя крики стрѣльцовъ. Старикъ Хованскій, завѣдывавшій стрѣлецкимъ приказомъ, былъ вліятельнымъ органомъ сосредоточенныхъ въ покояхъ царевны Софьи секретныхъ сношеній съ стрѣльцами. Отъ этого безтактнаго, простоватаго, но популярнаго у стрѣльцовъ приверженца старой вѣры, „тараруемъ“ ихъ „батькой“ (онъ во всемъ имъ потворствовалъ), а заодно съ невоздержнымъ на языкъ его сыномъ Андреемъ, кичившимся своимъ происхожденіемъ отъ владѣтельныхъ литовскихъ князей

¹⁾ „Надъ тѣми ямами по дорогамъ каменные столпы поставлены, которые и нынѣ видимы“ (Матвѣвъ).

²⁾ Другой сынъ Иванъ подвергся ссылкѣ.

³⁾ Источники Ист. стрѣлецк. бунт. отд. V.

⁴⁾ Ист. Петра Вел. гл. I.

(Матвѣвъ), понадобилось Милославскому, „изъ придворной¹⁾ его политики“, скорѣе отдѣлаться, вслѣдствіе страха обнаруженія своихъ преступныхъ плановъ и центрального очага заговора²⁾. Съ цѣлью склонить Софью на быструю, безъ разслѣдованія, казнь Хованскихъ, 2 сентября 1683 г. пустили въ обращеніе подметное письмо, доказавшее двору о подготовленіи имъ государственнаго переворота посредствомъ убійства государей и ея, Софьи. Письмо, помѣченное, какъ удостовѣряетъ Желябужскій (Зап. стр. 6), думнымъ дьякомъ „Щекловитымъ“, занявшимъ позднѣе постъ Ивана Хованскаго, навело якобы такой ужасъ на Софью, что она немедленно уѣхала изъ села Коломенскаго, гдѣ тогда находилась, въ Савинъ Сторожевскій монастырь (Матвѣвъ). Иванъ Хованскій приговоренъ къ смерти по обвиненію въ разныхъ самовольныхъ поступкахъ, въ умысленіи извести государей и сѣсть на царскомъ престолѣ. Устряловъ, ограничившись ссылкой на Матвѣва и Медвѣдева, не привелъ указа 1682 г. съ мотивами приговора, помѣщеннаго Сахаровымъ во 2-мъ прилож. къ „Запискамъ русскихъ людей“. Въ указѣ обращаютъ на себя вниманіе слова: „да ты же облыгалъ надворную пѣхоту (стрѣльцовъ)... будто отъ нихъ быти великимъ бѣдамъ, а отъ нихъ въ то время того не было“... Въ указѣ Софья прикрывалась именемъ государей, хотя сама заправляла всѣми дѣлами.

Предисловіе графа Матвѣва къ его Запискамъ показываетъ, что изготовленіемъ ихъ и описанными въ нихъ „еще не застарѣлыми“, не вывѣтрившимися изъ памяти событіями протекло много лѣтъ, такъ что иноземная литература успѣла обогатиться печатными сочиненіями о стрѣлецкихъ смутахъ: „Уже то на чужестранныхъ языкахъ при цесарскомъ и при королевскихъ европейскихъ дворахъ подробно печатными книгами изображенная гласится“. Скороспѣлыми печатными книгами о стрѣлецкихъ бунтахъ были сочиненія саксонца Шлейзинга (1688 г.), англичанина Бове (1699 г.), австрійца Корбе (1700 г.) и нѣкоторыя другія.

¹⁾ У Сахарова ошибочно „изъ природной“.

²⁾ Милославскій черезъ свои посланки въ комнаты царевны указомъ принудилъ бояръ, чтобы, не взирая отнюдь ни на какія князей Хованскихъ отговорки, тотчасъ казнить ихъ велѣли“. По заключенію Крекшина, „тою казнію царевна Софья Алексѣевна дѣяство и начинателя бунта Милославскаго и товарищей скрыли остались неизвѣстны“ (стр. 48). Означенный указъ, какъ и указъ князю Михаилу Ивановичу Лыкову о здержаніи Хованскихъ въ с. Пушкинѣ внесенъ въ царскую Записку книгу. Содержаніе его приведено Желябужскимъ. Тамъ же указъ о наказаніи полковниковъ по жалобѣ стрѣльцовъ (1682 г.).

Почти всѣ иностранные писатели въ отзывахъ о царевнѣ Софьѣ превозносятъ ея недюжинныя интеллектуальныя способности, утонченный умъ и энергію, но черными красками рисуютъ ея нравственныя качества, но и не стѣсняются бросать на нее подозрѣніе въ намѣреніи прекратить жизнь юнаго Петра, дабы проложить себѣ дорогу къ удовлетворенію ненасытнаго честолюбія.

Изъ нашихъ историковъ Погодинъ полагалъ, что рѣшеніе убить Петра не шло въ разрѣзъ съ желаніемъ Софьи ¹⁾. Расходясь съ ярымъ защитникомъ Софьи Аристовымъ въ оцѣнкѣ ея поведенія, Соловьевъ, Щербальскій, Костомаровъ, Валишевскій и многіе другіе изслѣдователи воздержались отъ прямого обвиненія ея въ умыслѣ на убійство Петра, по мнѣнію же Брикнера, „о покушеніи на жизнь Петра почти не можетъ быть рѣчи“. Историкъ 1725—1727 г. позволилъ себѣ болѣе смѣлый выводъ. Историкъ этотъ, по моему убѣжденію,—никто иной, какъ баронъ Петръ Павловичъ Шафировъ. Его подлинникъ Исторіи Петра перваго до 1700 г. утраченъ. Тѣмъ не менѣе, можно принять, что написанное по указу Сената отъ 1725 г. Шафировымъ вошло въ обширную рукопись, посвященную преимущественно дѣяніямъ этого государя и обрывающуюся на 1727 г. Въ моей библиотекѣ есть ея копія, занесенная, въ 1751 г., въ офиціальный реестръ подъ № 3, что оформлено скрѣпой секретаря Егора Рыбина и подписью копіиста Коралева (на оборотн. стор. кожан. перепл.). Второй экземпляръ рукописи, безъ отмѣтки о ея происхожденіи и безъ конца (нѣсколькихъ послѣднихъ листовъ недостаетъ), хранится въ Импер. Публичн. Библиотекѣ и мною просмотрѣнъ. Составъ его описалъ проф. Шмурло ²⁾, прекрасно изучившій литературу Петровской эпохи. На обор. 145 стр. упомянутой случайно пріобрѣтенной мною рукописи авторъ, заведя рѣчь о притѣсненіяхъ, учиненныхъ нашему посольству и самому Петру въ 1697 г. рижскимъ губернаторомъ и послужившихъ однимъ изъ поводовъ войны, говоритъ: „многія грубости... тотъ губернаторъ показывалъ, которые все описывать трудно и не хотимъ оными стужение (огорченіе) нанести читателямъ“... Послѣднія слова перенесены Шафировымъ въ упомянутую Исторію изъ его же „Разсужденія о причинахъ

¹⁾ Перв. 17 лѣтъ жизни Петра В. стр. 219.

²⁾ Пространную характеристику дѣяній Петра (въ рѣчи проповѣдника, произнесенной при погребеніи царя) онъ, по недоразумѣнію, вложилъ въ уста автора Исторіи.

войны съ Швеціей“ (стр. 87). „Гисторія“ самой войны, изданная чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ княземъ Щербатовымъ ¹⁾, не миновала редакціи Шафирова. Секретарь Коллегіи иностр. дѣлъ увѣдомлялъ, въ 1722 г., кабинетъ-секретаря Макарова, что присланная имъ часть Гисторіи съ 1711—1716 г. „отдана для пересмотрѣнія барону Петру Павловичу“, и обѣщала „перебѣлнить и прислать тетради, какъ скоро онъ высмотритъ“ ²⁾. Вотъ что написалъ Шафировъ о посягательствѣ Софіи на цареубійство: „Того же 7197 (1689) году, августа противъ 8 числа, въ ночи, его величеству въ походе въ селе Преображенскомъ ведомо учинилось, что той ночей прежнія воры и бунтовщики, по повелѣнію сестры его, царевны Софіи Алексеевны, околничей Фетька Шакловитой, собравъ многолюдное собрание съ ружьемъ, тайно намеренъ приттить въ то село Преображенское ради злохитростного умышления на дражайшее его величества здоровье. Тогожъ момента его величество съ матерью своею, благоверною государынею царицею Наталиею Кириловною, и съ супругою своею, и съ сестрою, государынею царевною Наталиею Алексеевною, и съ того села Преображенскаго въ самой скорости принужденъ итти въ Свято-Троицкой Сергіевъ монастырь, и пришли тогожъ числа. За его величествомъ были тогда бояре и окольничие думныя, и ближнія люди, и стольники походныя, да его собственныя тогда потешныя. И после того походу въ тотъ монастырь прибыло полатныхъ людей и цередворцовъ и начальныхъ людей и иныхъ всякихъ служилыхъ чиновъ многое множество, и были въ томъ походе сентября по 30 число 7198 году“ ³⁾. Упомянувъ о понесенныхъ виновниками смуты, по изслѣдованіи дѣла, казняхъ, Шафировъ добавляетъ: „И съ того времени сестре его величества царевне Софіи Алексеевнѣ владѣть государствомъ запрещено и вступать ни въ какия дѣла не повелѣно и сослана (въ) Новодевичий монастырь, где пострижена“.—Самъ Петръ въ письмѣ къ брату Іоанну (сентябрь 1689 г.), коснувшись умысла Фетки Шакловитаго съ иными ворами на убійство ихъ съ матерью, „въ чемъ Шакловитый и повинился“, сѣтуетъ на то, что „ззорное лицо, сестра ихъ учала въ дѣла вступать и въ титла вступаться безъ ихъ

¹⁾ Журналъ или поденная «Записка Петра Вел. съ 1698 г. даже до заключенія Нейштатскаго мира».

²⁾ Устряловъ: Ист. царств. Петра Вел. т. I, прилож. II, № 2.

³⁾ Мой спасокъ.—Годъ начинался авторомъ съ сентября.

позволенія къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ, для конечной ихъ обиды, хотѣла вѣнчатца" ¹⁾). Согласно съ предположеніями, высказанными многими иностранными писателями, голландецъ Номень, со словъ жившаго долго въ Москвѣ нѣкоего Брура, повторяетъ, что „Софья старалась коварнымъ образомъ лишить Петра жизни, дабы овладѣть престоломъ“ ²⁾).

Болѣе или менѣе позднее составленіе графомъ Матвѣевымъ Записокъ не повлекло спутанности въ нихъ событій. Серьезный упрекъ, сдѣланный ему Устряловымъ и Погодинымъ,—неправильное будто-бы отнесеніе имъ казни Цыклера, Соковина и Пушкина къ 1699 г. устраняется моимъ спискомъ Исторіи стрѣлецкихъ бунтовъ и сличеннымъ мною спискомъ Импер. Публичной Библіотеки, въ которомъ выставленъ 7025 годъ казни, ошибочно принятый переписчикомъ за 1699 г. Въ моемъ спискѣ Исторіи стрѣлецкихъ бунтовъ (изъ коего приведу выдержки), годъ, по старинному счисленію, въ послѣдней цифрѣ показанъ вѣрно—пятый, но, по оплошности переписчика, въ двухъ предшедшихъ цифрахъ вкралась ошибка отъ сокращенія даты. Означено „лѣта семьсотъ двадцать пятаго“ вмѣсто семи тысячъ двѣсти пятаго, что соотвѣтствуетъ году 1697 отъ Р. Х., когда Цыклеръ съ сообщниками и былъ казненъ. Ученые, находящіе у Матвѣева хронологическую несообразность, не удѣлили достаточнаго вниманія неисправности изданныхъ текстовъ его Записокъ. Важное извѣстіе объ обстановкѣ выдачи стрѣльцамъ Ивана Нарышкина, брата Натальи Кирилловны, испорчено даже у Сахарова. По очищенному имъ тексту: „впервые публично царевна Софья на себя тогда оказала подозрѣніе, остро... государынѣ царицѣ сказавъ, что никакимъ образомъ того избыть невозможно“... (чтобы не выдать Ивана Нарышкина стрѣльцамъ) ³⁾). Въ моемъ спискѣ 1753 г. изложено: „публично царевна Софья себя оказала, и, съ принужденіемъ, зѣло остро... говорила“... Разница существенная. Софья не ограничилась совѣтомъ выдать Нарышкина, но и употребила къ тому свою власть, при поддержкѣ князя Одоевскаго, убѣждавшаго Нарышкина покориться горькой участи для укрощенія стрѣльцовъ. Объясненіе Медвѣдева, что, уступивъ народному упорству, „выдаша (т.-е. выдали) имъ Ивана Кирилловича Нарышкина, кажется, нарочно выго-

¹⁾ Письма и бум. Петра Вел. т. I, № 10.

²⁾ Зап. Номена, перев. Кордта.

³⁾ Сахаровъ: Зап. Матвѣева, стр. 29.

раживають лукавую инициативу Софьи. Медвѣдевъ, одинъ изъ ея вдохновителей, рассчитывая на наивность читателя раздачу стрѣльцамъ и присоединившимся къ нимъ Бутырскимъ солдатамъ царевной Софьей,—„ей же Богъ даде чудный смыслъ и сужденіе“,—по десяти рублей каждому, прикрываетъ стараніемъ усмирить ихъ, и тутъ же плачется, что „зѣло они, стрѣльцы, тѣми неправедными взятками все государство къ разоренію привели“. Всесторонне обдуманное повѣствованіе о мятежахъ Матвѣевъ ведетъ послѣдовательно и обстоятельно, безъ какой-либо задней мысли. Нельзя негодовать на графа и за такіе вводные эпизоды, какъ напр. воспоминаніе о сожженіи раскольника—протопопа Аввакума въ Пустозерскѣ (1 апр. 1681 г.). Недоумѣніе могъ бы развѣ возбудить сопряженный съ казною Цыклера, Соковнина и Пушкина фактъ опозоренія трупа Милославскаго, сообщаемый, съ незначительными вариантами, всѣми пространными текстами Записокъ Матвѣва. По Сахаровскому чтенію, и тѣло Милославскаго въ церкви святителя Христова Николая, именуемаго Столпа, что на Покровкѣ, изъ трапезы вынута и, по указу, отвезено въ Преображенскій Приказъ. Мой списокъ 1753 г. церковь св. Николая, откуда тѣло Милославскаго „вырыто“, помѣщаетъ близъ Покровской Большой улицы. Чудовищный обрядъ поруганія трупа Милославскаго подтверждается иностранцами Шлезингомъ и Бове и русскими авторами—думнымъ дворяниномъ, позднѣе окольничимъ Желябужскимъ и біографомъ Артамона Матвѣва. Приведя приговоръ о казни Цыклера съ товарищами, Желябужскій писалъ: „И въ то время, къ казни, изъ могилы выкопанъ мертвый бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій и привезенъ въ Преображенское на свиньяхъ, и гробъ его поставленъ былъ у плахъ измѣнничьихъ; и какъ головы имъ сѣкли, и руда (кровь) точила въ гробъ на него, Ивана Милославскаго“¹⁾.

Сообщилъ **А. В. Лонгиновъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Сахаровъ: Зап. Желябужскаго, стр. 51.